

Культура и искусство

Правильная ссылка на статью:

Усачев А.В. — Идеи русской религиозной философии в научной практике региона // Культура и искусство. – 2023. – № 2. DOI: 10.7256/2454-0625.2023.2.37643 EDN: DBBXYV URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=37643

Идеи русской религиозной философии в научной практике региона

Усачев Александр Владимирович

доктор философских наук

профессор кафедры философии, социальных наук и журналистики, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина»

399770, Россия, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, 28.1

✉ a.usacev@mail.ru

[Статья из рубрики "Актуальный вопрос"](#)

DOI:

10.7256/2454-0625.2023.2.37643

EDN:

DBBXYV

Дата направления статьи в редакцию:

06-03-2022

Аннотация: Философские идеи в научной практике служат основой исследовательской позиции, совокупностью методов, которые реализуют замысел в рамках специальности. Философия способна обеспечить прояснение самого широкого контекста и находит отражение в содержании рассуждений и выводах. Наиболее широкое использование философия получает в постановке вопросов, формулировании тем, которые позволяют актуализировать эвристический потенциал гуманитарных специальностей, служит внесению в перечень исследовательских задач и целей проблем и замыслов. Особенно это касается тех тем, которые в силу ряда исторических причин игнорировались и умалчивались. Среди таковых заметное место занимает тема религиозности. Основным выводом исследования является положение о том, что исследования в области русской религиозной философии представляют собой фундамент современной гуманитарной работы. Она может производиться в отдельном регионе страны в качестве опоры гуманитарного знания. Научная практика, которая выражается в диссертационном процессе, в жанре научного доклада, опирается на тексты русских философов, которые были написаны на рубеже XIX - XX столетия. Был сделан вывод о том, что русская философская мысль образует коммуникативное поле в научных процессах, которое позволяет вести конструктивный диалог между различными субъектами научного

процесса.

Ключевые слова:

религиозная философия, свобода, творчество, религия, смысл жизни, личность, человек, наука, практика, онтология

Введение. Морфологически в научной практике тема религиозности обеспечивает три базовых уровня значений, столь необходимых современному развитию науки. Первый уровень касается обеспечения фактора органического единства гуманитарного знания, несмотря на специфические особенности узкопрофессионального характера. Например, в теме религии ярко представлена тема человека и личности, без которой невозможно представить себе развития ни одной гуманитарной дисциплины. Человек и личность фигурируют как неклассическая идея религиозной онтологии в качестве реализации замысла Бога о человеке и человечестве. [\[2, с.148\]](#)

Основная часть. Поскольку гуманитарные науки по определению — это науки о человеке и человеческом в самом широком контексте, то такая видовая особенность религиозной онтологии активно используется в диссертационном и академическом процессах. Даже если умалчивается религиозное происхождение ряда характеристик человека – речь идет о личности, о выборе, о смысле и цели жизни, – то все же логическая основа и выводы, как правило, активизируется часто. В этом случае у рационалистической философии, берущей начало в парадигме Нового времени, персоналистические сущности, такие как Бог, Логос, заменяются философскими эквивалентами Абсолюта и трансценденции. Кроме единства и преемственности предметов гуманитарных наук, религиозная тема морфологически играет роль в постановке вопроса о сущности человека. Сущность человека не тождественна его существованию. В силу этого обстоятельства возникает совокупность вопросов о причинах и способах преодоления психофизического дуализма, разлада слова и дела, замысла и реализации, статуса разума в нестабильном мире. В силу этой же причины простые формулировки не могут отразить всю сложность жизненной и научной динамики [\[6\]](#). Любая динамика обеспечивается набором статических конструктивных элементов. В частности, роль такой статики выполняет толкование человека в качестве конечного сущего, имеющего двойную локализацию. Речь идет о пространственной локализации, связанной с телесностью человека и временной – она, в свою очередь связана с ограниченностью времени существования. Религиозная онтология, а также некоторые другие виды неклассической онтологии, начинают практики с того, что предметный регион может быть обозначен и продуман только с учетом этих локализаций. Классическая онтология базируется на разуме как центральной инстанции мышления. Разум является вне-пространственным и вневременным и представляет собой явление, предельно абстрагированное от уникальных содержаний, и, по преимуществу, уделяющее внимание метадискурсивным понятиям, обладающим общезначимыми смыслами. Религия говорит о невозможности человеку «объять необъятное». Это позволяет интерпретировать его в аспекте простого проживания и деятельности. Религиозная тема создает основу для того, чтобы увидеть в человеке уникальное сочетание бытия и познания, а не их строгую дифференцию. Религия становится идейной основой для онтологической гносеологии, для теории познания, которая стремится продумать по существу содержание понятия субъект, для чего расширяет его онтологическую основу до понятия личность. Субъект – функционален, личность –

бытийна. Субъект – схематичен, личность – целостна. Субъект – это рационалистическая и, следовательно, классическая сущность. Личность связана с религиозным, эмоционально-волевым, интуитивным компонентами и, следовательно, она укоренена в неклассической ментальности [\[10\]](#). Под влиянием религиозной онтологии рождается теоретическая установка философского мышления, которая усматривает первичное единство бытия и познания, которое останавливается на том, что бытие открывается познанию. Такое сочетание жизненных аспектов могут быть аутентично поняты только в случае личностно ориентированных интерпретаций целей, задач и техник познания. То, что открывается всегда связано с культурой, языком, местоположением, временем и должно отражать интерес познающего к предмету. Интерес иррационален. Именно интерес показывает интуитивный характер выбора предмета познания, что разработано такими русскими и европейскими философскими направлениями, как феноменология, интуитивизм, фундаментальная онтология. Он устанавливает человека по отношению к сущему и формирует совокупность исследовательских стратегий в единый познавательный результативный процесс [\[4, с.18\]](#).

Третий аспект, продиктованный темой религии и занявший определенное место в научном обиходе – это демаркация прошлого и настоящего в новейшей истории страны и края. Присутствие религии становится опорным фактором идеологического свойства, который позволяет различить самосознание до революции и после нее. Конструктивное отношение к влиянию религии на исторический, культурный и гражданский процессы, а также ее роль в становлении личности и осмыслении своей судьбы, позволяет провести различия в онтологических характеристиках дореволюционной России, истории 20 века и нынешнего процесса возвращения к истокам. В этом контексте понимать религиозную онтологию, значит, уходить от схематичной интерпретации бытия, которая сильно зависит от западной рационалистической научной практики, от критериев выгоды и результативности. В ее основе лежит максимальное абстрагирование от экзистенциального содержания, т.е. от бытования объекта и предмета исследования как в его простой сути, данной в непосредственном восприятии и отражает отношение человека к нему еще до гносеологической субъект-объектной рубрики.

Приведенная идея двойной локализации человека во времени и пространстве создает второй морфологический факт – актуализацию топоса, культурно-исторического пространства в мысли. Речь идет об анализе соответствия культурно-исторических уникальных значений края, родных мест, творческого ландшафта, содержательно учтенной в литературной, философской или художественной продукции. Такие соответствия могут быть проведены на уровне языка, характерной тематики, уникальной предметности. Здесь могут быть взяты крупные приметы, например, Север или Юг страны, национальная или религиозная идентичность. Но, в том числе, особый интерес представляет «тонкая материя», а именно психология и характер личности, которые формируются в данной местности и органично, оставляя приметы, входят в ткань художественного, философского или любого другого текста. Этот морфологический факт открывает три различные стороны [\[8\]](#). Первая сторона – это прямое указание места зарождения идеи, концепции, сценария поведения или способа бытования, которая касается вполне определенной, не мифологической, а географической местности, содержащей в себе границы качества стиля, языка, событийного ряда. В нем прямо или косвенно угадывается или содержится стиль и нрав местности. Яркими примером является судьба В. Розанова, который в Ельце обретает семью в полином смысле слова, но, кроме того, по собственному свидетельству, из формального православия приходит к личной вере, сыгравшей в его личной и творческой судьбе столь важную роль. М.

Пришвин в дневниках прослеживает смену социальных миров в России во время революции, изменения в отношениях между людьми и в заботах на контрасте с тем, что было его жизнью в детстве, до революции. И. Бунин осмысляет жизненные вехи, происходившие в Ельце и его поместье близ города, в эмиграции, преподнося их в качестве экзистенциальной предметной основы для осмысления итогов своей жизни и судьбы России в 20 веке.

Вторая сторона морфологического факта актуализации места состоит в отнесении его значения к общей судьбе России в разные исторические этапы. Здесь уместны категории консерватизма и новаторства, которые отражают особенности динамики происходящего. Предметом анализа становится мера весомости Елецкого края в до-революционную эпоху: купеческие традиции, активная и разнообразная жизнь, составляющая экономику края, роль в духовной идентичности России в произведениях уже перечисленных авторов. Продолжение художественно-философского анализа жизни относится к по-революционному периоду, который по очевидным причинам проникнут ностальгией, желанием вызвать к жизни прежние нравы, «старые» ценности. В нем среди прочих важных задач, отчетлива видна интенция воспроизвести не только в идентичном виде, но и в аутентичном, подлинном смысле того, что было дорого людям на протяжении подавляюще протяженного отрывка истории города и края. Вторая сторона интересна тем, что включает не только то существование, в котором занимают важное место подражание, похожесть, симулякры, но и структура понимания. В них, в частности, могут быть проявлены те компоненты жизни и творчества, которые возможно, не были приемлемы в свое время, которое берется за основу [\[9\]](#). И также требует своего осмысления сам факт того, что заставляет нынешние поколения ученых обращаться к истории, вновь и вновь оставляя в стороне ностальгию, прояснять онтологические компоненты, нехватка которых сегодня очень чувствительна. В ней формируется запрос истории бытия, развиваемый историографией, по осуществлению замыслов, идей и жизненных принципов, составляющих живую картину прошлого Елецкого края.

Третья сторона заключается в идее целостного восприятия истории и менталитета Елецкого края. Ее содержание разворачивается двояко. Во-первых, необходима убежденность в том, что восстановление преемственности возможно. Во-вторых, то, что может быть восстановлено, возвращено в культурное пространство современности, включит исторический облик в повседневность, станет его привычной и органичной составляющей. Первый из указанных аспектов сущностно связан с убежденностью в том, что актуальный срез менталитета является не только отзвуком и отображением исторического облика края. Он содержит подлинные бытийные элементы, которые в силу ряда причин сегодня не так видны и активизированы. В этом аспекте также важна идея, которая высказывалась Н. Бердяевым. В частности, философ отмечал, что вернуться в прошлое состояние государства, общества есть еще большая утопия, чем проекты о будущем. В данном случае ницшеанская идея вечного возвращения, оказавшая столь большое влияние на формирование неклассической философии, должна быть воспринята онтологически, а не императивно, не этически. Чтобы в исторической практике не возникло модернистской устремленности реализовать умозрительную схему, в качестве которой в данном случае выступает прошлое, важно увидеть в реальности модус и формы возвращения былого. Среди таковых в научной практике выступает академический и диссертационный процессы, которые сегодня не мыслимы без частичной или полной отнесенности к фактуре исторического и культурного плана из ряда феноменов, свидетельствующих об уникальности края. Из данных признаков времени можно появляется возможность раскрыть и второй аспект [\[7\]](#). Убежденность в том, что очевидно или неявно присутствуют те элементы менталитета, которые

формировали его качественную определенность в течение девяти столетий. Если нивелировать всевозможные «против», которые лежат на поверхности, например, целый век существования без личностной идеологии, без рынка, всегда оживляющего жизнь экономики и развитие купечества, все же можно выйти и на ряд существенных «за». Среди утвердительных особенностей без труда можно найти ряд аксиом онтологического свойства, которые раскроют первичную интуицию исторической укоренности края и его жителей. Прежде всего, речь идет о языке, который, конечно, испытывает влияние современности, но сохраняет фактические особенности, интонации, эмоциональную нагрузку, из которой был выстроен литературный и художественный талант ряда выдающихся людей. Далее, имеет значение архитектурный и геометрический рисунок города, из которого непосредственно следует ничто иное, нежели облик, неповторимое лицо города, его площадей, улиц, храмов и отдельных зданий. Они хранят молитвы, человеческие истории, мысли и чувства тех, кто в них жил, посещал, утверждал свое бытие. И, пожалуй, немаловажная роль принадлежит воле, которая в неклассической философии получила онтологический статус. Воля проявляет себя в том, что ориентирует исследователей на предметные сочетания края, родной земли, которые раскрывают его специфику. Воля, также, обнаруживает стремление жить в своем крае, быть средоточием всех пульсирующих и жизненных нитей. Можно предположить, что это одна и та же воля, которая организует человеческое бытие, открывая неповторимые черты. Это, в конечном итоге, воля к истине и подлинности. С тех пор, как ведущей темой гуманитарных наук стал не разум, а человек, истина и подлинность стали во главу угла в научном поиске [6].

В определении мировосприятия людей любой эпохи, снискавшей рефлексивную работу по осмыслению и ситематизации, играет роль понятийная и логическая форма. Это является *онтологией*, т.е. одновременно теорией бытия и определенным способом присутствия. В *гносеологическом* аспекте важно выяснить познавательный потенциал понятия, его перспективность и конструктивность в выполнении определенных задач понимания. С одной стороны – это очевидная функция любого понятия. С другой – ее очевидность совсем не влечет за собой простоты. В. Дильтей и неокантианцы завершили теорию о различии методов естественных и исторических наук. В частности, последние во главу угла ставят переживание, проникновение в интуитивную ткань исторического события. В *аксиологическом* аспекте ясность должна получить ценностная структура, весомость обсуждаемых обстоятельств в контексте бытования данного края, земли, страны, сообщества людей. Данный аспект носит наиболее субъективный характер, не всегда, возможно, обнаруживающий универсальное значение и высветляющий уникальные особенности, не редуцируемые абсолютно к общему.

Соотношение индивидуально и уникального является классическим. Исключение составляют те случаи, когда критика классической мысли или бинарной структуры заводи́ла мысль в созерцательные или описательные практики. Как частичный отход от диалектики, так и большая приверженность ее многовековым достижениям, обычно обусловлены причинами личного, индивидуального свойства в те моменты истории, когда возникает сильная заинтересованность в самопонимании, в интерпретации уникальных обстоятельств, влияющих на бытие [1].

Гуманитарные процессы в современной России по мере развития требуют к себе все большего внимания со стороны понятийно-категориального осмысления. Ответы на простые вопросы «что это?», «к чему это ведет?», «какой имеет источник и продолжение?» предполагают разноаспектные исследования в области определения идентичности явлений, персоналистического компонента, заставляют достигать большей

ясности в мере возможности актуализации исторического мышления, философии и других форм научного и художественного письма сегодня. Такое направление деятельности имеет несколько задач.

Первая из них вытекает из ряда следствий процесса глобализации, который привносит в современную историю ряд позитивных качеств, как-то: экономическое развитие, сокращение числа бедных и обездоленных, определенные гарантии в блокировке военных больших и малых конфликтов и т.д. При этом очевидна угроза локальным культурам, нанесение ущерба их жизнеспособности, деформации исторически выверенных образов городов, краев, этносов, что напрямую связано с потерей своего неповторимого народного лица, традиций, фольклора и т.д. Для России этот процесс особенно важен, т.к. в ее интеллектуальной истории период осмысления западных усредняющих и объединяющих практик был предметом активного обсуждения в философской и социально ориентированной литературе в 19 веке по идейно-нравственным основаниям, а в 20 веке – по идеологическим основаниям. Этот опыт критического осмысления неоднороден и порой даже может быть противопоставлен один другому, но в любом случае конструкция переосмысления фактов и идей, имеющих западное происхождение, не воспринималась в непосредственности и наивности, но служило материалом продумывания и осмысления самих себя.

Вторая задача связана с неоднородностью гуманитарного опыта на территории России. Неоднородность позволяет быть некоему уникальному опыту без ущерба для универсального, причем не в стратегии противоречия и диалектики, а в стратегии сосуществования. Это обстоятельство получает объяснение в том, что любой уровень обобщения уникальной территории, - страны, края, города, отдельного места, - вполне укладывается в рамки здравого смысла и образует результативность исследования [\[3\]](#). Парадокс такого размышления состоит в том, что уникальность родного края понятна тем, кто в нем живет и без объяснений, но на уровне диалога с другим рождается трудность аутентичного понимания, т.к. у участников диалога тоже свое онтическое пространство, не требующее доказательств. В этой ситуации, если порой хочется добиться ясности в рассуждениях, довольно сложно удержаться от ценностных суждений и не перевести разговор во власть бинарной пары лучшее/худшее. Термин «худшее» в этой паре трудно представить в адекватном применении к уникальному, сущность которого трансцендирована и не может быть определена в горизонтальном сравнении с другими предметами эмпирического порядка.

Гуманитарные процессы в современной России по мере развития требуют к себе все большего внимания со стороны понятийно-категориального осмысления. Ответы на простые вопросы «что это?», «к чему это ведет?», «какой имеет источник и продолжение?» предполагают разноаспектные исследования в области определения идентичности явлений, персоналистического компонента, заставляют достигать большей ясности в мере возможности актуализации исторического мышления, философии и других форм научного и художественного письма сегодня. Такое направление деятельности имеет несколько задач.

Первая из них вытекает из ряда следствий процесса глобализации, который привносит в современную историю ряд позитивных качеств, как-то: экономическое развитие, сокращение числа бедных и обездоленных, определенные гарантии в блокировке военных больших и малых конфликтов и т.д. При этом очевидна угроза локальным культурам, нанесение ущерба их жизнеспособности, деформации исторически выверенных образов городов, краев, этносов, что напрямую связано с потерей своего

неповторимого народного лица, традиций, фольклора и т.д. Для России этот процесс особенно важен, т.к. в ее интеллектуальной истории период осмысления западных усредняющих и объединяющих практик был предметом активного обсуждения в философской и социально ориентированной литературе в XIX веке по идейно-нравственным основаниям, а в XX веке – по идеологическим основаниям. Этот опыт критического осмысления неоднороден и порой даже может быть противопоставлен один другому, но в любом случае конструкция переосмысления фактов и идей, имеющих западное происхождение, не воспринималось в непосредственности и наивности, но служило материалом продумывания и осмысления самих себя [8].

Вторая задача связана с неоднородностью гуманитарного опыта на территории России. Неоднородность позволяет быть некоему уникальному опыту без ущерба для универсального, причем не в стратегии противоречия и диалектики, а в стратегии сосуществования. Это обстоятельство получает объяснение в том, что любой уровень обобщения уникальной территории, - страны, края, города, отдельного места, - вполне укладывается в рамки здравого смысла и образует результативность исследования. Парадокс такого размышления состоит в том, что уникальность родного края понятна тем, кто в нем живет и без объяснений, но на уровне диалога с другим рождается трудность аутентичного понимания, т.к. у участников диалога тоже свое онтическое пространство, не требующее доказательств. В этой ситуации, если порой хочется добиться ясности в рассуждениях, довольно сложно удержаться от ценностных суждений и не перевести разговор во власть бинарной пары лучшее/худшее. Термин «худшее» в этой паре трудно представить в адекватном применении к уникальному, сущность которого трансцендирована и не может быть определена в горизонтальном сравнении с другими предметами эмпирического порядка.

Выводы. Наиболее распространенная идея, взятая из русской философии в современной научной практике региона – идея религиозного происхождения всех базовых ценностей и конструкций, религиозной принадлежности всех сколько-нибудь существенных явлений мира и культуры.

Динамика религиозно-ценностной структуры позволяет определить наиболее весомые отношения и смыслы, который оказывали влияние на мыслителей Елецкого края, формировали их мировоззрение, сообщавшие качественные линии в формировании идейной основы в творчестве, как литературном, так и философском.

Человек в религии остается наедине с самим собой, минуя институты и установления, которые объединяют людей, дают им общие задачи. Когда так ставится вопрос, то проблема рождается сама собой, без дополнительного участия мыслителя.

Библиография

1. Бахтин М.М.. Формы времени и хронотопа в романе / М.М. Бахтин. – Университетская электронная библиотека. <http://infolio.asf.ru>:
2. Бердяев Н.А.. Смысл творчества. Харьков. М. 2002. 688 с.
3. Бунин И.А.. Жизнь Арсеньева / И.А. Бунин. – М.: Правда. – 1989. – С. 99-100
4. Флоренский П.А.. АНАЛИЗ пространственности и времени в художественно-изобразительных произведениях. – М.: Прогресс. – 1993. – С. 51.
5. Arlig A. W. The Lost Sheep in Philosophy of Religion: New Perspectives on Disability, Gender, Race, and Animals // Faith and Philosophy.--2020.--Apr.--T. 37, № 2.--С. 248-252
6. Burley M. Special issue: Philosophy of Religions: Cross-Cultural, Multi-Religious

- Approaches Introduction // Religious Studies.--2020.--Mar.--T. 56, № 1.--С. 1-3.
7. Erlewine R. Samuel Hirsch, Hegel, and the Legacy of Ethical Monotheism // Harvard Theological Review.--2020.--Jan.--T. 113, № 1.--С. 89-110.
8. Hutton S. Philosophy, Religion, and Heterodoxy in the Philosophy of Henry More, Ralph Cudworth, and Anne Conway // Church History and Religious Culture.--2020.--Sep.--T. 100, № 2-3.--С. 157-171.
9. Simmons J. A. Religious, but Not Spiritual: A Constructive Proposal // Religions.--2021.--Jun.--T. 12, № 6.
10. Zackariasson U. Religion and the Philosophy of Life // Temenos.--2020.--T. 56, № 2.--С. 278-280.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Тему рецензируемой статьи следует признать актуальной, автор обращается к анализу значения наследия русской религиозной философии для развития культуры, рассмотренной на региональном (локальном) уровне. В качестве региона избирается историческая область России, определённая в тексте как «Елецкий край». Несмотря на то, что это определение трудно признать строгим с точки зрения существовавшего в истории административного деления Южной России, выделение Елецкого края в качестве исторического локуса представляется оправданным в связи со своеобразием культуры города и окрестностей, наиболее живо проявившегося во второй половине девятнадцатого – начале двадцатого веков. Имена, которые упоминаются в статье, составляют гордость не только региона, но и всей России. Замечательно также, что в творчестве В. В. Розанова, М. М. Пришвина, И. А. Бунина также можно встретить немало прямых оценок культурной значимости Ельца для России, и автор, отталкиваясь от этих высказываний, продолжает их размышления о родном крае как одном из истоков русской культуры, которая, к тому же, в случае с И.А. Буниным приобрела и общемировое звучание (к сожалению, творчество В.В. Розанова, несомненно, самой значимой в интеллектуальном отношении персоны, связанной с Ельцом, за рубежом систематически изучается только в Италии, в США он хорошо известен, но, как правило, упоминается лишь в критическом контексте в связи с его мнимым антисемитизмом; творчество С. Н. Булгакова известно во Франции, Германии и Швейцарии, но образ русского философа и богослова ассоциируется, как правило, с его малой родиной, городом Ливны, а не с Ельцом). Следует отметить умелую композицию статьи, удачно подчёркивающую особенности авторского подхода; достаточно широким является и использованный в работе круг источников, хорошо, что автор «не замыкается» в отечественной литературе, обращаясь к интересным (насколько можно судить по ссылкам) зарубежным публикациям. В статье в явном виде представлены и выводы автора, что позволяет читателю точнее судить о ходе авторской мысли и полученных результатах. Так, автор подчёркивает религиозное происхождение установок и ценностей, живущих и в современной русской культуре (несмотря на все перевороты, которые на протяжении последнего столетия ей пришлось пережить), и с эти выводом невозможно не согласиться. Правда, одно из вынесенных автором на суд читателя положений всё же способно спровоцировать возражения: «человек в религии остается наедине с самим собой, минуя институты и установления, которые объединяют людей, дают им общие задачи». Думается, это положение соответствует, скорее,

протестантскому, чем православному «стилю мысли», однако, наличие тезисов, побуждающих к дискуссии, вряд ли может рассматриваться в качестве недостатка статьи на культурологическую тему (все оценки в этой области, следует признать, сохраняют определённую субъективную окраску). Как бы там ни было, но можно с уверенностью констатировать, что рецензируемая статья соответствует основным требованиям, предъявляемым к современным научным публикациям, рекомендую опубликовать её в научном журнале.